

УДК 811.161.1'3"15/16"(02)
DOI 10.20339/PhS.2-26.167

О.В. Никитин

«Служить верой и правдой»: устойчивые словесные комплексы русского языка XVI–XVII веков

В статье представлена рецензия на книгу: Генералова Е.В., Зинovieва Е.И. «Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв.»: монография (СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. 462 с.). Рассматривается проблема изучения фразеологического фонда начального периода становления национального русского языка (XVI–XVII веков). Обращается внимание на необходимость разработки принципов лексикографического описания данного материала и привлечения новых источников деловой речи и повседневного общения для воссоздания языковой картины мира того времени. С этой целью анализируются достижения современных лингвистов Е.В. Генераловой и Е.И. Зинovieвой, создавших проект дифференцированного фразеологического словаря русского языка XVI–XVII веков. Делается акцент на том аспекте, что устойчивые выражения в текстах указанного периода недостаточно изучены. Во многих случаях не выяснена дата появления идиом, отсутствует грамотный анализ семасиологии и стилистики, структуры образования таких формул, их историко-культурных коннотаций, особенностей употребления. Авторы предприняли классификацию устойчивых словесных комплексов и дали типологическую характеристику фразеологического фонда старорусского языка. Заслуживает внимания их концепция, основанная на богатой традиции описания идиоматики и включающая в себя новаторские идеи: более четкие принципы систематизации единиц, дифференцированный подход к анализу устойчивых сочетаний, обширный историко-культурный комментарий лексического материала. Предлагаются пробные словарные статьи, содержащие идиомы, стереотипные формулы, терминологические и предположительно-надежные сочетания. Дается общая оценка историко-фразеологического словаря нового типа. Констатируется, что представленный материал является важным источником для изучения языковых процессов формирования народно-литературной традиции и определения роли фразеологии как неотъемлемого элемента ментально-лингвальной системы русского языка. Утверждается, что изложенные положения имеют большое теоретическое и прикладное значение и могут быть применены в описании системы средневековой идиоматики и разработке историко-лингвистических словарей.

Ключевые слова: Московская Русь, фразеология, старорусский язык, деловая письменность, народно-литературный язык, классификация устойчивых словесных комплексов, историческая фразеология

The article presents a book review: Generalova E.V., Zinovieva E.I. *The origins of Russian phraseology: Stable combinations of the language of business and everyday communication in Moscovite Rus' of the 16–17 centuries: monograph* (St. Petersburg: Publishing and printing association of higher educational institutions, 2024. 462 p.). The review article examines the problem of studying the phraseological fund of the initial period of the formation of the national Russian language (16–17 centuries). Attention is drawn to the need to develop the principles of lexicographic description of this material and to attract new sources of business speech and everyday communication to recreate the linguistic worldview of that time. To this end, the achievements of modern linguists E.V. Generalova and E.I. Zinovieva, created a project for a differentiated phraseological dictionary of the Russian language of the 16–17 centuries, are analyzed. The emphasis is placed on the fact that stable expressions in the texts of this period have not been studied well enough. In many cases, the dates of the idioms' appearance have not been clarified, and there is no competent analysis of semasiology and stylistics, the structure of the formation of such formulas, their historical and cultural connotations and usage characteristics. The authors undertook a classification of stable verbal complexes and gave a typological description of the phraseological fund of the Old Russian language. Their concept, based on a rich tradition of phraseological description of vocabulary and including innovative ideas, deserves attention: clearer principles of systematization of idioms, a differentiated approach to the analysis of stable combinations, extensive historical and cultural commentary of lexical material. Trial dictionary entries are offered, including idioms, stereotypical formulas, terminological and prepositional-case combinations. A general assessment of the historical and phraseological dictionary of a new type is given. It is stated that the presented material is an important source for studying the linguistic processes of the formation of the folk literary tradition and determining the role of phraseology as an integral element of the mental and linguistic system of the Russian language. It is argued that the ideas outlined have great theoretical and practical significance and can be applied in description of the system of medieval idioms and compiling of historical linguistic dictionaries

Keywords: Muscovite Rus', phraseology, Old Russian language, juridical writing, folk literary language, classification of stable verbal complexes, historical phraseography

**Генералова Е.В.,
Зиновьева Е.И.**

Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв.: монография. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. — 462 с.

**Generalova, E.V.,
Zinovieva, E.I.**

The origins of Russian phraseology: Stable combinations of the language of business and everyday communication in Moscovite Rus' of the 16–17 centuries: monograph. St. Petersburg: Publishing and printing association of higher educational institutions, 2024. 462 p. ISBN 978-5-91155-311-1

Изучение фразеологии в последние десятилетия получило стремительное развитие в нескольких направлениях: разрабатываются новые теоретические подходы к исследованию идиоматики [2–4], расширяются и обосновываются границы термина «фразеология» [5; 6], происходит активное переосмысление традиционного подхода к анализу устойчивых единиц и их рецепция в интертекстовом пространстве XX–XXI вв. и современном дискурсе [7]. Область исторической фразеологии также является предметом внимания лингвистов в связи с необходимостью анализа и лексикографирования процессов развития языка в переходные эпохи и становления новой литературной традиции [1; 3; 8]. В этом смысле период XVI–XVII вв. представляет особый интерес по нескольким причинам: это время культурного, интеллектуального расцвета Московской Руси и создания разножанровых памятников письменной культуры; в отмеченный период большую роль играет сфера деловой корреспонденции, которая расширила свои права в сторону художественного орнамента, а значит, приобрела иной стилистический рисунок, произошел процесс контаминации метафорических средств разных жанров (ср.: бытовые и сатирические повести); появляется первая рукописная газета «Вести-Куранты», свидетельствующая о возрастающей роли информационного поля публицистики как нового жанра; активизируется работа государственного аппарата по унификации письменной нормы и т.д. Все указанные факторы способствовали тому, что так называемая повседневная литература (не книжная, не церковная) постепенно выходила за рамки узуса, впитывала в себя новые явления, совершенствовала литературно-художественные формы [4; 5]. В такой с филологической точки зрения благодатной среде не только развиваются фразеологизмы в стандартном понимании этого явления, но и образуются новые речевые формулы, составные терминологические наименования — те самые «устойчивые словесные комплексы», которые находятся «в переходном состоянии, на этапе фразеологизации» (С. 9)¹ и поэтому интересны как уникальные явления национально-языковой картины мира.

Главная задача исследователя устойчивых сочетаний (УС) в диахроническом аспекте заключается в поиске и описании как можно большего количества идиоматичных форм, зафиксированных в письменных материалах, в обозначении их статуса, первичности / вторичности семантики и ее возможных изменений в конкретную историческую эпоху. И далее реализация концепции создания *исторического фразеологического словаря русского языка* как отражение историко-культурных и ментально-лингвальных процессов времени [3]. Но возникает немаловажный вопрос критериев определения фразеологической единицы, которые выработаны в XX в. и беспрепятственно применяются к современной системе языковых средств. Исторические «сюжеты», если они не относятся к переводным УС, или калькам, или церковно-книжной формульной риторике, представляют собой некоторую сложность в определении степени идиоматичности и семантической спаянности компонентов, устойчивости и воспроизводимости, характера вариативности компонентов и т.д. До сих пор не решена проблема образности / экспрессивности УС как неотъемлемого свойства фразеологизма. Например, в деловой речи этот показатель будет

¹ Здесь и далее в тексте статьи в круглых скобках указаны страницы рецензируемого издания [4].

выражен значительно слабее, чем в литературно-художественных текстах. И тем не менее известно немало стилистически нейтральных приказных формул, которые, безусловно, являются УС типа *руку приложил, полюбовно помирились* и т.д. Авторы книги подчеркивают, что «сложно интерпретировать понятие экспрессивности на историческом материале: в силу ориентации на образцовые тексты и отсутствия в древнерусских и старорусских текстах авторского начала выражение многих эмоций в истории языка стандартизировано и закреплено в виде УС» (С. 16). Наверное, при разработке концепции словаря следует обращать внимание и на степень распространенности формул приказной речи в зависимости от сферы употребления и фиксировать в том числе УС речевого этикета (*Поди... с Богом, Сохрани Бог кого*), отражающие «живую фразеологию» (подробнее см.: [5. С. 15]). Важен и лингвокультурный аспект лексикографирования УС. Например, встречающееся в деловых текстах XVII в. выражение *московская волокита* [2. С. 7–16] означало, что дела в приказах велись с «потерей времени и убытками для тех, кто по делам обратился в приказы» [5. С. 20].

Еще одна проблема, которую предстоит решать при разработке фразеологического словаря диахронического типа, касается классификации идиом в истории языка. Е.В. Генералова и Е.И. Зиновьева выдвинули принцип «максимального охвата устойчивых сверхсловных компонентов» (С. 18). Полагаясь на него, они предложили распределить такие комплексы по нескольким разрядам:

1) идиомы, или фразеологизмы в «узком» смысле, семантика «которых не определяется суммой значений входящих в них компонентов: *среди бела дня* ‘у всех на виду’, *убить бобра* ‘сделать что-л., преследуя личную выгоду’... К ним относятся как мотивированные УС, в которых прослеживается образ... (*денно и ночью* ‘постоянно’, *в рот глядеть* ‘подобострастно слушать кого-л., заискивать перед кем-л.’), так и немотивированные устойчивые сочетания, значение которых не выводимо из семантики их компонентов (*убить бобра* ‘получить выгоду, приобрести что-л. ценное’, *во всю голову* ‘во всю мочь, очень громко’, *деревенное слово* ‘брань’») (С. 45–46);

2) стереотипные формулы. Это, как правило, речевые штампы, клише, «фразеологические историзмы». Из всего набора терминологических определений данного разряда фразеологизмов ученые остановились на *стереотипных формулах*, которые понимаются как «разной степени устойчивости языковая единица, представляющая собой словосочетание, номинирующее общепринятую норму, обычай, правила поведения, житейскую ситуацию, этикетное действие и заменяющая собой развернутое информативное описание» (С. 49). Их можно внутри классифицировать по социокультурному признаку — в зависимости от сферы употребления: *не входя в суд, другу не дружить* (судопроизводство), *куда ходил топор (плуг) и коса и соха* (землепользование), *снять землю с кого-л., впрок без выкупа* (торгово-экономические отношения), (*поди*) *с Богом* (речевой этикет), *обретаться в живых, искатель милости твоей* (частная переписка) (С. 49–52).

Авторы книги обратили внимание на то, что классификация стереотипных формул должна производиться «*в соответствии с жанром делового документа и его формуляром*» (С. 52). Отсюда — необходимо разделять, например, формулы царских указов и челобитных, разных видов грамот, специальные идиоматические средства, используемые в текстах дипломатической переписки, и т.д. Е.В. Генералова и Е.И. Зиновьева подчеркивают, что «формульность пронизывает язык Московской Руси, образует своеобразную основу, структурирующую отдельные акты, жанры деловых документов» (С. 56). Эти устойчивые словесные комплексы (УСК) выполняют более важную функцию, чем другие элементы текста, и «позволяют реконструировать социокультурную ситуацию того времени, выявлять некоторые черты менталитета, получать представление о системе ценностей народа в период позднего средневековья и формирования русской нации» (С. 56);

3) тавтологические устойчивые сочетания, по мнению авторов монографии, в языке XVI–XVII вв. «были распространены шире, чем в современном» (С. 58). Это своеобразное «плетение словес» (Д.С. Лихачев) заимствовано от более древнего времени и представляло собой глагольные

конструкции с существительным в винительном, творительном падежах с предлогом и без него или наречием, например: *шутку зашутить, воровством воровать, в погоню гонять, изувечить навечно* (С. 59). Реже встречались именные сочетания вроде *чудо чудное, диво дивное, наречные — добре добро* и атрибутивные — *един по единому* (С. 60). Показательно, что история бытования подобных УСК не заканчивается в связи с наступлением новой эпохи: в деловой речи XVIII в. также активно использовались эти конструкции, а некоторые из них (*шутки шутить*) используются и в современном литературном языке (С. 61);

4) плеонастические УСК, «в которых один из компонентов является семантически избыточным, поскольку дублирует смысл (или часть смысла) второго: *земляной вал, мужняя жена, торговый гость, дебри непроходимые...*» (С. 61). Подобные сочетания, как полагают ученые, сохранились в большом количестве и, возможно, будут полезным источником для изучения процессов формирования синонимических связей и отношений в русском языке, что весьма ценно для понимания трансформации семантики слова и ее проекции на следующие этапы развития языка;

5) расчлененно-описательные УС, которым легко подыскать синоним в речи. Так, вместо *вчерашний день* можно сказать *вчера, блюдо дискосное — блюдо, мир вселенный — вселенная* и т.д. (С. 65). Авторы монографии отмечают, что среди подобных сочетаний выделяются как уникальные, единичные, так и типовые, используемые часто, например, для обозначения профессий со словом *мастер*: *колокольный мастер, иконный мастер, завязочный мастер* и т.д. (С. 65). Показательно, что именно в этом разряде УСК встречается немалое количество ономастических компонентов типа *итальянские люди, свейские люди, Архангельский город*, что, очевидно, свидетельствует о неустойчивости таких номинаций в указанный период и показывает, как в дальнейшем происходило изменение официального топонимикона (С. 66). Е.В. Генералова и Е.И. Зиновьева отмечают как одни из самых частотных модели со стержневым компонентом *имать*, употребляющиеся в составе расчлененно-описательных УС, это своего рода универсальная лексема в русской фразеологии XVI–XVII вв. (С. 68–70);

6) терминосочетания. Ученые полагают, что их тоже можно включить в состав УСК, т.к. они не только выполняют номинативную функцию в тексте, но и обладают некоторой образностью (редко) и несомненной устойчивостью компонентов: *дорогое камень, болезнь зубная, горница мастерская* и т.д. (С. 71–73). Споры о включении подобных конструкций в группу идиоматических выражений не утихают до сих пор. Большинство таких наименований имеет некую культурную установку, стереотипность и символичность, что сближало в историческом контексте утилитарно-терминологическое значение с символично-клишированным, и в этом синкретизме, несомненно, есть элемент устойчивости и воспроизводимости. Ср.: *правая вера, боярский мед, гулящие люди* и т.д. (С. 74);

7) устойчивые предложно-падежные сочетания — это двухкомпонентные конструкции с целостным значением, которые выполняют «определенную синтаксическую функцию» и характеризуются «устойчивостью семантики, грамматической структуры и лексического состава» (С. 75). Главными критериями выделения таких сочетаний являются его состав — предлог в сочетании с существительным, которое могло переходить и в наречные формы, — и наличие единого значения: *за безценюк, в вечеру, на изходе* и т.д. (С. 76–77). Чаще всего они имеют семантику образа и способа действия, причины, места, времени, цели, количества и меры. Ученые отмечают, что данные УС могут выражать разную степень образности или демонстрировать ее отсутствие: *меж глаз* ‘быстро’, *по траве* ‘весной’, *в сердцах* ‘в состоянии гнева’, *в близости* ‘на небольшом расстоянии, недалеко’ (С. 80–81).

В книге немало и других концептуальных моментов, которые свидетельствуют о серьезности подхода ученых к проблеме лексикографического описания русской идиоматики XVI–XVII вв. Так, они представили типологическую характеристику фразефонда старорусского языка указанного периода (обосновали формальную, функционально-грамматическую, структурную классификации УСК, а также исследовали их с содержательной стороны — тематику, стилистику, вари-

рование форм) (С. 82–111). Очень важным считаем тезис Е.В. Генераловой и Е.И. Зиновьевой об обиходно-деловой фразеологии XVI–XVII вв. как основе «фразеосистемы национального русского языка» (С. 111–113).

Знакомство с историей проблемы, обоснование нового взгляда на спорные вопросы исторической идиоматики, подробное критическое осмысление вклада русских ученых в изучении фразеологии, большой пласт неизученных УС, которые впервые так тщательно и с разных позиций были проанализированы в монографии, подводят к мысли о создании дифференцированного фразеологического словаря русского языка XVI–XVII вв. Его основными принципами, по мысли авторов книги, являются историзм, полнота и сегментирование, что позволит «определить активные в исследуемый период пласты фразеологии» (С. 132). Кроме того, Е.В. Генералова и Е.И. Зиновьева считают, что такой словарь должен выполнять просветительскую функцию — содержать необходимый исторический и культурологический комментарий, то, о чем мечтали еще И.И. Срезневский и Б.А. Ларин (С. 135–136). В практике филологических словарей эта идея до сих пор не получила активного распространения. И в данном случае кажется уместным соединение лингвистического описания с энциклопедическим по причине уникальности национально-культурной фразеосистемы, которую невозможно осмыслить, опираясь только на традиционные методы словарной практики.

Помещенные в монографии пробные образцы словарных статей с обоснованием структуры их построения наглядно показывают концепцию Е.В. Генераловой и Е.И. Зиновьевой. Они распределены по укрупненным разделам: идиомы (фразеологизмы в «узком» смысле), стереотипные формулы, терминосочетания (составные наименования), устойчивые предложно-падежные сочетания. Авторы широко применяют цитирование разных материалов с большими по объему фрагментами, позволяющими увидеть УСК в картине мира его создателя. В числе источников встречаются не только обиходно-деловые тексты русского происхождения, но и разговорники, составленные иностранцами, которые отразили живую речь XVI–XVII вв. в ее безыскусственных, часто экспрессивных коннотациях. Используются многочисленные отсылки к исследованиям и словарям разного времени, интерпретировавшим конкретную фразеологическую единицу. Отмечается многозначность УСК в тех случаях, когда он употребляется в широком социокультурном контексте и используется в разных жанрах. Таково выражение *бить челом*, у которого выделяется двенадцать значений (С. 223–227). Указываются стилистические характеристики и принадлежность к разряду, например: «**ЖИТЬ * ЖИВЕШЬ ЗДОРОВО?** *Разг. Этикетная формула. Вопросы о здоровье при встрече [...]*» (С. 200); «**СКУДНЫЙ * СКУДЕН [И] БЕДЕН.** *Частно-дел. Уничиж. Формула челобитных. Самохарактеристика просителя: неимущий, находящийся в бедственном положении*» (С. 218). Даются очень подробные, где необходимо, историко-культурные комментарии, например при УСК **КЛЕЙМЕНАЯ БУМАГА** (С. 231–232), сообщающие редкие факты и удачно дополняющие филологическое описание идиоматического выражения. Полагаем, что обсуждение яркого лексикографического проекта следует продолжить на предпубликационной стадии и, может быть, посвятить этому отдельную дискуссию или конференцию.

Заметим, что в отечественной филологической традиции отсутствуют *исторические* фразеологические словари русского языка XVI–XVII вв., которые отвечали бы современному уровню лингвистической теории и практики. Чаще всего мы имеем дело с небольшими вкраплениями УС в лексикографических источниках разных типов, и прежде всего в «Словаре русского языка XI–XVII веков», «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков». Частично обозначенный в монографии хронологический период отражен и в «Словаре русского языка XVIII века». Но лексический фонд этих словарей формировался в течение длительного времени (например, первый том «Словаря русского языка XI–XVII веков» был издан в 1975 г., в нем ис-

пользованы данные старой картотеки и не учтены новейшие публикации текстов), неравномерно менялись и концепции составления таких лексиконов. Бóльших успехов достигли исследования идиоматики старославянского языка, особенно в фундаментальных работах С.Г. Шулежковой) [1]. Имеются и весьма основательные фразеологические словари с историко-этимологическими комментариями (подробнее список литературы см.: [4]). Так или иначе УС эпохи Московской Руси фиксировались, но их системного лексикографического исследования не проводилось. Хотя есть интересные работы по изучению фразеологии отдельных жанров деловой письменности указанного периода [Там же. С. 13–14] и важных в историко-культурном смысле памятников [8]. Очень ценно в этом ключе замечание В.М. Мокиенко о том, что «история фразеологизма — это не серия аллегорических художественных очерков, а строгая *система доказательств* (курсив мой. — О. Н.), в которых аргументы отыскиваются только в результате трудоемких поисков в найденных лингвистических источниках» [6. С. 8].

Разумеется, такой новаторский проект может вызвать оживленную дискуссию в научной печати из-за уязвимых мест в концепции, которая не дает окончательного ответа на вопрос, что считать фразеологизмами в обиходно-деловой речи XVI–XVII вв., а что — нет, а также по каким признакам их необходимо различать. Заслуга ученых состоит в том, что на многочисленных примерах УС и словесных комплексов они показали, как происходило формирование фразеологизма из свободного сочетания, как изменялось его значение в современном русском языке, какие факторы влияли на образование УС и какую интерпретацию в текстах они получили. Иными словами, Е.В. Генералова и Е.И. Зиновьева расширили рамки понимания исторической фразеологии — той синкретичной области, которая объединяла часто разнородные по происхождению, смыслу и словесному выражению компоненты, олицетворявшие *жизнь языка*.

Авторы подробно проанализировали разные точки зрения, отметили плюсы и минусы фразеологической теории и намекнули на ее оторванность от исторического осмысления УС, где не может быть по-структуралистски четкого решения. Монография подтверждает и наши скромные наблюдения о том, что необходим дифференцированный подход к анализу различных разрядов фразеологизмов старорусского языка. Каждый из них представляет собой, по сути, свою подсистему. Сбалансированная позиция ученых, учитывающая пробелы и противоречия в области диахронического изучения традиционной русской идиоматики, нацеленность на представление объективных фактов, описание большого пласта текстов в дальнейшем позволит обосновать те спорные моменты, которые обозначены в данной монографии. Мы видим ее большой исторический смысл и в том, что Е.В. Генералова и Е.И. Зиновьева обратили внимание исследователей на комплекс нерешенных вопросов фразеологической науки, на необходимость привлечения новых источников для возможно более широкого описания УС как неотъемлемых компонентов русской языковой картины мира. Они погрузились в самый сложный период в истории Московской Руси, когда происходило изменение традиционного облика слова, вживлялось иное мировоззрение, вступали в свои права новые общественные законы, появлялись другие культурные устремления, а значит, трансформировались все ментальные рецепторы языка. Это чуткое, мы бы даже сказали, трепетное отношение к фактам словесно-речевой истории — залог того, что будут учтены многие УС и даже конструкции «спорного» характера. Тем самым мы воссоздадим достоверную картину утилитарного-бытовой и духовной культуры Московской Руси.

Хотим подчеркнуть, что применительно к текстам изучаемого периода авторы используют в работе, на наш взгляд, удачное терминологическое сочетание *устойчивый словесный комплекс*. Дело в том, что в XVI–XVII вв. фразеологическая система обыденной («повседневной») речи, которая отчасти фиксировалась в памятниках приказной письменности, не была стабильной с точки зрения семантической спаянности, отличалась большой вариативностью. Многие

«фразеологизмы» рождались спонтанно или под влиянием книжной культуры, где это явление получило широкое распространение (церковные жанры калькировали греческие образцы «духовной фразеологии»). Не всегда удается найти источник происхождения нового УС и даже понять, можем ли мы его квалифицировать как идиому. «Фразеологический портрет» того времени был очень разноцветным и непрочным: отсюда наряду со стереотипными формулами мы встречаем многочисленные терминологические сочетания, клишированные обороты речи, этикетные выражения, «присказки» и т.д. Все они со временем, начиная с XVIII в., постепенно найдут свое место в системе жанров и стилистических средств русского литературного языка (в широком смысле). Некоторые из них так и останутся в повседневной речевой культуре и не выйдут за ее рамки или переместятся в разряд историзмов и прекратят воспроизводиться в практике письменной и устной речи.

Многие спорные вопросы исторической фразеологии авторы предпринятого исследования решают очень корректно, с использованием большого инвентаря современных достижений и опорой на словарную и жанрово-стилистическую традиции, которые подсказывает оптимальную методику анализа устойчивых комплексов в пестрой системе литературно-языковых средств XVI–XVII вв. Значит, новый *исторический* фразеологический словарь станет не только интересным лексикографическим исследованием, но и оригинальным научным экспериментом в области языковой концептуализации и культурной антропологии русской речи Московской Руси.

Литература

1. Большой фразеологический словарь старославянского языка / гл. ред. С.Г. Шулежкова. М.: Флинта, 2020–2023. Т. 1–3.
2. Генералова Е.В. Лингвистический портрет московской волокиты // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2019. Вып. 2. С. 7–16.
3. Генералова Е.В. Исторический фразеологический словарь русского языка XVI–XVII вв.: от концепции к реализации // Вестник Воронежского государственного ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 3. С. 37–42.
4. Генералова Е.В., Зиновьева Е.И. Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв.: монография. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. 462 с.
5. Зиновьева Е.И. Стереотипные формулы деловых документов и памятников обиходного языка Московской Руси XVI–XVII веков (систематизирующий подход) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 2. С. 9–26. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-9-26>
6. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989. 286 с.
7. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Крылатые слова дилгии Ильи Ильфа и Евгения Петрова («Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»): словарь-справочник. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 312 с.
8. Трофимович Т.Г. Фразеологизированные средства номинации в Уложении 1649 года: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1981. 24 с.

References

1. Bol'shoi frazeologicheskii slovar' staroslavianskogo iazyka / gl. red. S.G. Shulezhkova. Moscow: Flinta, 2020–2023. T. 1–3.
2. Generalova, E.V. Lingvisticheskii portret moskovskoi volokity // Slavianskaia istoricheskaia leksikologiya i leksikografia. 2019. Vyp. 2. S. 7–16.
3. Generalova, E.V. Istoricheskii frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka XVI–XVII vv.: ot kontseptsii k realizatsii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo un-ta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2024. No. 3. S. 37–42.
4. Generalova, E.V., Zinovieva, E.I. Istoki russkoi frazeologii: ustoichivye sochetaniia iazyka delovogo i povsednevnogo obshcheniia Moskovskoi Rusi XVI–XVII vv.: monografiia. St. Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskaiia assotsiatsiia vysshikh uchebnykh zavedenii, 2024. 462 s.
5. Zinovieva, E.I. Stereotipnye formuly delovykh dokumentov i pamiatnikov obikhodnogo iazyka Moskovskoi Rusi XVI–XVII vekov (sistematiziruiushchii podkhod) // Nauchnyi dialog. 2023. T. 12. No. 2. S. 9–26. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-9-26>
6. Mokienko, V.M. Slavianskaia frazeologiya. Moscow: Vysshaia shkola, 1989. 286 s.
7. Mokienko, V.M., Sidorenko, K.P. Krylatye slova dilgii Il'i Il'fa i Evgeniia Petrova («Dvenadtsat' stul'ev» i «Zolotoi telenok»): slovar'-spravochnik. St. Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena, 2021. 312 s.
8. Trofimovich, T.G. Frazeologizirovannye sredstva nominatsii v Ulozhenii 1649 goda: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Minsk, 1981. 24 s.

Никитин Олег Викторович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Петрозаводский государственный университет

Nikitin Oleg V.,
Doctor of Philology,
Professor of the Russian Language Department
Petrozavodsk State University

e-mail: olnikitin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Статья поступила: 10.09.2025

Принята к печати: 26.11.2025